

Судьбы учеников Новгородской архиерейской школы при Феофане (Прокоповиче)*

Н. В. Салоников

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия*

К. В. Суториус

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются судьбы Новгородской архиерейской школы и ее учеников после того, как новгородскую кафедру возглавил архиепископ Феофан (Прокопович). После расформирования в 1726 г. славянской, латинской, партикулярных и епархиальных школ Новгородской епархии большая часть учеников, дети церковно- и священнослужителей, была отправлена в дома своих родителей без назначения их на какие-либо должности. Часть учеников, преимущественно дети разночинцев и сироты, была отправлена в Москву и Санкт-Петербург учиться ремеслу, другая — определена в различные службы при архиерейском доме. В Новгородской школе остался только один класс, греческой грамматики, в котором были оставлены сироты — дети духовенства, крестьян и служащих архиерейского дома, но и они в течение следующих четырех лет были из школы взяты и отправлены или учиться ремеслу, или переведены в школу Феофана (Прокоповича) в Петербурге так, что с 1730 по 1732 г. следов деятельности школы в известных документах не находится. Анализируя доступные источники, авторы пытаются определить возможные причины, по которым в правление архиепископа Феофана в конце 20-х — начале 30-х гг. XVIII столетия деятельность архиерейской школы в Новгороде подверглась столь радикальному сокращению.

Ключевые слова: Новгородская архиерейская школа, архиепископ Феофан (Прокопович), ученики

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029.

The Fate of Novgorod Archbishop School Students under Theophan (Prokopovich)

Nikolay V. Salonikov

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;
State Archives of the Novgorod Region, Veliky Novgorod, Russia*

Konstantin V. Sutorius

*National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia*

Abstracts. The article deals with the fate of the Novgorod Archbishop school and its students after the Novgorod cathedra was headed by Theophan (Prokopovich). After the Slavic, Latin, particular and diocesan schools of the Novgorod diocese were disbanded in 1726, most of the students, the children of church and clergymen, were sent to their parents' homes without appointing them to any positions. Some of the students, mostly children of commoners and orphans, were sent to Moscow and St. Petersburg to learn a craft, the other was assigned to various services at the bishop's house. Only Greek grammar class remained in Novgorod school, where only orphans were left — the children of the clergy, peasants and employees of the bishop's house, but over the next four years they were taken from the school and sent either to learn a craft, or transferred to the Theophan's (Prokopovich) school in St. Petersburg, so that from 1730 to 1732 there are no traces of the school's activities in known documents. Based on the analysis of the available sources the authors try to determine the possible reasons why during the reign of Archbishop Theophan in the late 20s — early 30s of the XVIII century the activities of the Archbishop school in Novgorod were drastically reduced.

Keywords: the Archbishop school in Novgorod, Archbishop Theophan (Prokopovich), students

История Новгородской архиерейской школы во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XVIII столетия мало изучена. Долгое время в отечественной историографии существовало мнение, что в 1726 г. архиепископ Феофан (Прокопович) закрыл школу [Страхова 1988, с. 121]. Первой на ошибочность этой точки зрения указала И. А. Вознесенская, приведя отдельные факты из истории школы этого времени [Вознесенская 2005, с. 232–235; Вознесенская 2009]. До сегодняшнего дня специальные работы по истории школы при Феофане (Прокоповиче) остаются крайне немногочисленными [Салоников, Суториус 2022]. Причина такого невнимания исследователей

заключается прежде всего во фрагментарности сохранившихся источников. Поиск и введение в научный оборот новых документов позволили значительно расширить наши знания о деятельности школы при Феофане [Салоников 2017; Новгородские архиерейские школы 2022].

К моменту назначения Феофана (Прокоповича) на новгородскую кафедру в епархии была создана и успешно действовала система школ: в самом Новгороде при архиерейском доме, включавшая классы («школы») церковнославянского, латинского и греческого языков, две так называемые партикулярные — при Знаменском соборе и при Розважском монастыре, а также одиннадцать епархиальных — в Великих Луках, Торжке, Каргополе, Олонце, Старой Руссе, Устюжне, Городецке, Селе Валдайском, Тихвине, при Юрьеве монастыре и Оштинско-Петрозаводская. Известные нам сегодня документы говорят о том, что архиепископ Феофан не сразу приступил к закрытию школ, созданных в Новгородской епархии его предшественниками. Более того, в первый год своего архиерейского правления в Новгороде он продолжил поддерживать существующие школы. Так, в октябре 1725 г. Новгородский архиерейский разряд издал указ о возвращении учеников, самовольно отлучившихся из Тихвинской епархиальной школы [НИА СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 71. Л. 111]. Указ Новгородской духовной консистории от 29 мая 1726 г. обязал ставленников проходить обязательное обучение в школах [НИА СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 71. Л. 173–173 об.]¹.

¹ Этот указ стал продолжением указа Феоdosия (Яновского), изданного 20 августа 1723 г., об обучении в школах попов и диаконов, поставленных на священнические места в период с 1716 по 1721 г. В указе архиепископа Феоdosия отмечалось, что «поставленных между архиерейства в Новгородскую епархию попов и дяконов для свидетельства в священнослужении и получении благословенных от его преосвященства грамот» следует высылать в Петербург, «куда должны они приходить с показанием совершенного во звании своем обучения». И перед отправлением в Петербург обучать их «во учрежденных по разным Новгородской епархии городам школах, дабы правильно и безгрешно читать знали, и о том совершенно обучившимся давать от школ учащим грамматистам свидетельствующие то учение листы <...> а без таких листов отнюдь не приходить, ибо оное в Санкт-Питербурхе свидетельство чинить определено не невеждам, но совершенно

Однако параллельно с этим архиепископ Феофан начал сворачивать образовательные проекты своего предшественника Феодосия (Яновского). В самом начале 1726 г. по его инициативе были распущены ученики, присланные в Новгородскую школу из других епархий для изучения грамматики [Салоников, Суториус 2020, с. 403]. Одновременно Феофан (Прокопович) стал принимать меры, которые должны были ограничить обучение в школе детей, не принадлежащих к духовному сословию. Первыми должны были «пострадать» подкидыши, обретавшиеся в архиерейском доме при госпиталях и в школе. 17 января 1726 г. владыка направил в Новгород указ об обучении в школе подкидышей. В нем говорилось: «Подкидышков, которые меньше двенадцати лет, тех обучать букваря и прочего изустно, а языков никаких не учить. И по изучении того отдавать в науку живописную и столярную. А которые возраста двадцатилетнего, тех в разные домовые работы определить» [НИА СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 2–2 об.]. 26 января 1726 г. в определении, адресованном архимандриту Маркеллу (Радышевскому), в котором Феофан требовал подготовить именной реестр подкидышей архиерейского дома, он уточнял: «Так же крестьянских и салдацких детей впредь в школу не принимать и в церковный клир не определять, ибо после могут отторгнены быть в иное дело и учение их вотще будет» [НИА СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 3]. Указ Новгородской духовной консистории от 26 июля 1726 г. запрещал посвящать в священнические и причетнические чины лиц, положенных в подушный оклад [НИА СПб ИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 71. Л. 3].

Можно предположить, что Феофан (Прокопович) руководствовался здесь нормами Духовного регламента, автором которого был сам, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дело обстояло не совсем так. В частности мы находим в этом законодательном акте следующие предписания: «Вельми ко исправлению Церкви полезно есть сие, чтоб всяк епископ имел в доме или при доме своем школу для детей священнических или **и прочих**, в надежду священства определенных» [Духовный регламент. О еписко-

обученным, которые при том свидетельстве должны присматриваться и навывкать лутшаго церковных церемоний благочиния, а не читать учиться» [НИА СПб ИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 71. Л. 175–176 об.].

пах. 9]. В другой части документа сказано: «Должны вси протопопы и богатшии и священницы детей своих присылать во Академию. Мощно тоез указать и **градским лучшим приказным людем**» [Духовный регламент. Дома училищные. 14]. Так поступали предшественники Феофана на новгородской кафедре.

В 1726 г. были расформированы славянская, латинская, партикулярные и епархиальные школы². При архиерейском доме в Новгороде осталась только греческая школа, учителем в которой был архимандрит Филимон. Инициатива закрытия партикулярных и епархиальных школ, видимо, шла от духовенства Новгородской епархии, которое тяготилось не только сбором средств на содержание школ, но и необходимостью отдавать своих детей в школы, предпочитая обучать их дома. Об этом свидетельствует датированная 19 марта 1726 г. отписка служителей Новгородского архиерейского дома Феофану (Прокоповичу). В ней сказано, что начиная с 29 сентября 1722 г. в Новгородской епархии ежегодно с церковнослужителей собирается по тринадцать копеек на каждую четверть земли, «которые и употреблялись в дачю обретающимся в Новгороде и Новгородской епархии партикулярных школ учителем в трактament, а учеником на одежду и обувь и харчевые припасы и в прочие домовые расходы обще в домово́й суммы. Точию от такова вышеписанного расположения помянутые церковнослужители от оно́го платежа несносную трудность несут» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 41–41 об.]. Авторы документа просили владыку сумму сборов уменьшить в половину, а партикулярные школы закрыть. При этом детей учить при церквях грамотным священникам и причетникам. Собственноручной резолюции Феофана (Прокоповича) на документе нет, но в помете сказано: «Его архиерейство изволил объявить, что о вышеозначенном резолюция имеется на судейских докладных пунктах». К сожалению, нам не удалось обнаружить эти докладные пункты, но известно, каков был результат этого дела — школы были закрыты, а сумма сборов на школы с духовенства епархии уменьшена. Какие причины побудили Феофана к закрытию школ? Сыграли ли в принятии этого решения ключевую роль только факторы материального характера?

² Точная дата закрытия этих школ нам неизвестна.

Ответ на этот и другие вопросы попробуем дать, рассмотрев судьбы учеников архиерейской школы.

Чрезвычайно важным источником для решения поставленной задачи являются ведомости об учащихся славянской, латинской и греческой школ, составленные в конце 1725 — начале 1726 г. и дающие представление о состоянии школ накануне их закрытия [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 42–43 об., 44–45 об., 46–46 об., 47–47 об.]. Состав учащихся греческой школы после 1726 г. отражают раздел итоговой ведомости 1727 г. об учениках Новгородской школы за 1706–1727 гг., в котором названы ученики «ныне обретающиеся при грекославенской архиерейской школе» [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 143–144], а также обнаруженные нами в ГАНО три списка учеников «эллиногреческой» школы, составленные в ноябре 1727 г., апреле 1728 г. и феврале 1729 г. [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 166. Л. 71 об.; Д. 167. Л. 5–10, 15–18 об.].

Изучение судеб учеников после расформирования школ в 1726 г. начнем с анализа ведомостей славянской и латинской школ. Если с латинской школой все выглядит однозначно, поскольку в итоговой ведомости 1727 г. есть отдельная ведомость этой школы, то учеников славянской школы, учившихся у иподиакона Федора Максимова и певчего Варфоломея Федорова (они, похоже, преподавали параллельно) накануне расформирования, нужно выявлять из раздела итоговой ведомости, в котором названы ученики, которые учились в школе с 1718 по 1726 г. Сравнение ведомостей учащихся славянской школы, составленных в сентябре 1725 г., с итоговой ведомостью 1727 г. дает следующие результаты. В славянской школе у Федора Максимова числилось 39 учащихся, из них 9 человек ученики, присланные из других епархий [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 44–45 об.]. Из 30 учеников «новгородцев», по данным ведомости 1727 г., прекратили обучение в школе в 1726 г. — 18 человек³. Из них пятеро были отправлены учиться ремеслу. Остальные в боль-

³ Из школы были исключены все ученики, но в итоговой ведомости 1727 г. только напротив имен 18 человек, учившихся у Федора Максимова, стоит 1726 г. Другие ученики либо покинули школу раньше, например сбежали в 1725 г. [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 45–45 об.], либо не были включены в итоговую ведомость.

шинстве своем «живут ныне при домех отцов своих без определения чина» [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 135–138 об.]. Похожая ситуация была и в славянской школе у Варфоломея Федорова, у которого училось 29 человек [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 46–46 об.]. Из них, по данным итоговой ведомости, в 1726 г. школу покинуло 19 человек [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 135–138 об.]. Шесть человек из славянской школы было взято в греческую школу: четверо от Федора Максимова, двое от Варфоломея Федорова. Из 24 человек расформированной латинской школы четверо были отправлены учиться ремеслу, а двое подкидышей возвращены в греческую школу. Остальные либо произведены в церковные чины, либо жили при родителях «без определения чина» [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 139 об.–141 об.].

Интересен тот факт, что из восьми учеников, переведенных в греческую школу в 1726 г., шестеро были детьми крестьян или подкидышами. К сожалению, сведения о том, что изучали ученики в греческой школе, сохранились только в итоговой ведомости 1727 г. В ней названы имена 19 учеников, шесть из которых изучили греко-славенскую грамматику и учат «пиитики вторую часть», семь человек изучают греческую грамматику, а шесть человек учатся читать по-гречески [РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 143–144]. Изучение списков учеников позволяет судить о численном и персональном составе школы. Данные, сохранившиеся в трех вышеупомянутых списках школьников из ГАНО, свидетельствуют о том, что в 1727 г. число учеников греческой школы возросло до 22 человек, а в 1728–1729 гг. уменьшилось — до 13⁴ [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 166. Л. 71 об.; Д. 167. Л. 5–10, 15–18 об.]. В итоговой ведомости 1727 г. в школе числится 19 человек, а в списке школьников «эллиногреческой» школы, сохранившемся в «Ведомости о состоянии Новгородского архиерейского дома», — 22 человека [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 166. Л. 71 об.]. Оба документа были созданы в 1727 г., но не содержат

⁴ Возможно, число учащихся греческой школы осталось прежним, поскольку в документах ГАНО за 1728 и 1729 гг. речь идет только об учениках, положенных в подушный оклад. Если посмотреть на социальный состав учащихся, то из 22 учеников только 9 были детьми священно- и церковнослужителей, 13 человек были детьми крестьян или подкидышами.

указания на точную дату, поэтому определить, какой документ был составлен раньше, можно только сравнивая персональный состав учеников. В обоих документах совпадают имена только 15 человек. Из ведомости 1727 г. в список школьников не попали четыре человека: Феофилакт Сергиев, Матфей Васильев, Петр Савельев, Максим Петров. Последние трое — крестьянские дети, которые поступили в греческую школу в 1726–1727 гг. и до этого ничего не учили. Не имея никакого образования, они сразу приступили к изучению греческого языка и, по всей видимости, не справились с этим предметом и были отчислены. По какой причине в списке школьников нет имени подкидыша Феофилакta Сергиева, учившегося в греческой школе с 1719 г., непонятно. Его имя встречается в списках учеников греческой школы в 1728 и 1729 гг. [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 167. Л. 5 об., 15].

В списке школьников «эллиногреческой» школы есть имена семи человек, которых мы не встречаем в ведомости 1727 г. Имена многих из них есть в поздних документах, связанных с деятельностью школы. На основании чего можно сделать вывод о том, что список школьников ГАНУ был составлен позднее, чем ведомость 1727 г. Увеличение состава греческой школы после составления ведомости 1727 г. произошло за счет учащихся славянской и партикулярной Розважской школ. Пять человек были приняты в школу из славянской школы: от Федора Максимова — Агапий Иванов и Иван Гаврилов; от Варфоломея Федорова — Семен Семенов, Михаил Петров и Максим Михайлов. Два человека из Розважской школы — Матвей Савельев и Петр Еремеев.

В связи с сокращением числа учеников и расформированием школ в Новгородской епархии при Феофане (Прокоповиче) отдельный интерес представляет судьба подкидышей, учившихся в школах. При Новгородском архиерейском доме со времени правления митрополита Иова наряду с образовательным (школы) осуществлялся также и большой социальный проект, который состоял в том, что за счет средств Новгородской епархии содержались в Новгороде несколько госпиталей, где жили не только больные и престарелые, но также малолетние сироты (подкидыши). Когда эти сироты достигали подходящего возраста, их определяли в школу при архиерейском доме.

После издания указа Феофана (Прокоповича) 17 января 1726 г. об обучении в школе подкидышей судья архиерейского дома архимандрит Маркелл (Радышевский) доносил 7 марта 1726 г. владыке, что подкидыши «розобраны, ис которых в Москву посылаются четыре человека в разные науки, в том числе из школы два человека: Марк Иванов книжному переплету и золочению, Трефилий Тарасиев к шерной науки, чтоб знал отливать медные всякие плащи к шерам и прочее. <...> Да ныне к вашему преосвященству в Санкт-Питербурх посылаются четыре человека для науке во дворце, а имянно: приспешницкаго и кухарнаго художества школьник Тарас Иванов, из домовых служебников Иосиф Иванов, приспешницкого домовою же служебник Антроп Нестеров, школьник Артемей Корнильев поваренного художества. Да в здешнем Великоновоградском вашего преосвященства доме определены быть в столярную работу три человека, а в живописную из школы греческой и латинской, котории неудобнии к научению по времени отдадутся» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 7–7 об.]. Из упомянутых в доношении школьников, два — Артемий Корнильев и Марк Иванов — были взяты из латинской школы, Трефилий Тарасиев — из славянской, Тарас Иванов — из партикулярной Розважской. В ведомостях учеников этих школ все получили плохие оценки [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 42 об., 43, 44 об., 48 об.].

В связи с делом о подкидышах 9 марта 1726 г. Феофану (Прокоповичу) были направлены реестры учеников греческой и латинской школ, в которых было отмечено, «кто годен во учении и кто негоден», «кто дому архиерейскаго и кто не архиерейскаго», «кто подкидыш и кто не подкидыш», «чиего отца сын». Из 17 учеников, учившихся в греческой школе у учителя архимандрита Филимона, ни один не назван подкидышем [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 12]. В латинской школе у студента Павла Горошковского училось 44 человека: 23 латинскому языку, 10 «славенской грамматики, а ныне учащи десятословия в той же латинской школе», 8 «по руски учатся в той же латинской школе», 3 «из немецкой школы переведены в латинскую и обучаются десятословия» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 13–14 об.]. Ни один из этих учеников также не назван подкидышем.

В конце марта 1726 г. был составлен реестр подкидышей и госпитальных обывателей архиерейского дома, прислать который Феофан (Прокопович) требовал еще в январе [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 25–26 об.]. В реестр включены имена 39 «в домовых школах учащимся школьником», которые «в питомстве и протчем от дому доволствуются». Из греческой школы 11 человек, 9 из которых в мартовском реестре учеников греческой школы названы детьми архиерейского дома. Один только Дмитрий Данилов в реестре греческой школы не назван и ни в одной известной нам школьной ведомости не фигурирует. Из латинской школы названы имена 9 школьников, а из славянской — 20. В реестр подкидышей внесены имена Артемия Корнильева и Марка Иванова, которые в мартовском реестре учеников латинской школы не значатся, поскольку уже были от школы отстранены и отправлены для обучения ремеслу в Москву и Петербург.

По какой причине одни и те же ученики в разных документах то именуется «подкидышами», то нет? Вряд ли это можно отнести к вольной трактовке термина «подкидыш», используемого составителями документа, тем более, что социальное происхождение школьников было хорошо известно. Вероятно, это связано с целью запроса сформулированного в документе. В реестре подкидышей и госпитальных обывателей напротив имен школьников написан возраст, в котором они были приняты в госпиталь или школу. При чтении реестра напрашивается вывод о том, что речь идет не о подкидышах в прямом смысле этого слова, а о сиротах — детях крестьян, служебников и духовенства архиерейского дома, которые в очень раннем возрасте остались без попечения родителей и были определены в госпиталь. Достигнувших «школьного» возраста отдавали в школу, при этом они, очевидно, продолжали жить при госпитале, сохраняя статус госпитального обывателя, одновременно приобретали новый статус «школьного ученика».

Следующая партия подкидышей/сирот была отправлена из Новгорода в Москву на фабрику голландца Ивана Тамеса в том же марте 1726 г. В доношении от 23 марта архимандрит Маркелл писал архиепископу Феофану (Прокоповичу): «...из оных подкидышей отправлено ныне к помянутому иноземцу в Москву для научения показанного художества двенадцать человек, в том числе женска

пола четыре человека» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 21]. Имена отправленных в Москву подкидышей можно реконструировать с помощью росписи учеников, прошедших обучение на фабрике И. Тамеса. Роспись составлена в январе 1730 г. и в ней названы имена семи школьников. Пятеро из них числятся в реестре подкидышей и госпитальных обывателей: из латинской школы — Аврам Прокофьев и Аникий Феокистов, из славянской школы — Никита Семенов, Иван Павлов и Тимофей Петров [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 25 об.–26]. Два школьника в этом реестре не значатся — Аввакум Федоров, учившийся в славянской школе у Федора Максимова⁵, и Гавриил Семенов сын Дубровин, имя которого в ведомостях учеников найти не удалось.

Дополнительные сведения об отправленных в Москву в марте 1726 г. школьниках можно найти в реестре нищих и школьников, обретающихся в Новгородском архиерейском доме. Документ содержится в деле, имеющем общее заглавие: «Столп о положенных в подушной оклад домовых школьников и гошпитальных, и о платеже за оных из дому подушных денег 1727 года июля 30 дня и 728 и 729 годов» [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 167]. Архиепископ Феофан (Прокопович) повелел о содержащихся в домовых госпиталях нищих и больных, а также и о подкидышах в школах прислать в архиерейскую кантору реестр. В деле содержатся реестр за 1728 г. и докладная выписка 1729 г. В апреле 1728 г. архимандрит Серафим отослал владыке «Реэстр, колико в доме великоновоградскаго архиерея в домовных гошпиталех и школах, и в других службах обретается нищедствующих, странных и на одрех лежащих и школьников, с которых в подушной оклад от генералитета спрашиваются деньги» [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 167. Л. 5–10]. В реестре 1728 г. названы имена 60 школьников (13 учащихся «еллиногреческой» школы, 47 человек, из школ выбывших); 11 госпитальных обывателей; имена 23 крестьян и бобылей. Всего в реестре значится 94 человека. Эти же данные повторяются в докладной выписке 1729 г., в ней отсутствуют только имена 23 крестьян и бобылей, а также отличается

⁵ Аввакум Федоров, крестьянский сын Пидебской волости, два года находился в чтении букваря и письме и один год в грамматике и получил хорошие оценки [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 44].

число «выбывших» из школы — 48 человек и, соответственно, общее число госпитальных обывателей и школьников составляет 72 человека [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 167. Л. 15–18 об.]. Помимо названных в росписи 1730 г. семи человек в реестре 1728 г. названы обретающимися в Москве в разных науках Оксен Юрьев, Плеской волости крестьянский сын, Гавриил Богданов, подкидыш, и Тимофей Дмитриев, о происхождении которого составителям реестра было ничего не известно. Рядом с именем Оксена Юрьева сделана приписка «умре». Возможно, он и был восьмым школьником, отправленным на фабрику Тамеса в 1726 г., и по причине смерти его имени не оказалось в росписи 1730 г.

На этом отправки школьников для обучения ремеслу временно прекратились, хотя в письме к архиепископу Феофану от 26 июня 1726 г. И. Тамес просил прислать к нему на фабрику еще 20 человек «ззорных» детей из Новгорода. Владыка повелел послать, если остались [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 79]. На что из Новгородского архиерейского дома ответили, что «оных подкидышев, кроме самых малолетних вашего архиерейства в здешнем Новгородском доме не обретается и угодных ко оной посылке из подкидышев не имеется» [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 54]. Последняя известная нам сегодня отправка учеников Новгородской школы в Москву для обучения ремеслу состоялась в январе 1730 г. Из Новгорода были отправлены шесть учеников греческой школы⁶: «домовых вотчин Тесовской и Пидебской волостей крестьянские дети» — Фока Тимофеев, Михаил Конанов, Матфей Савельев, Павел Антонов; «понамарской сын» Петр Еремеев; сын служебника Юрьева монастыря Илья Иванов [НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 71–72, 75–76]. Они поступили в школу в 1720, 1721, 1722 и 1724 гг. соответственно, изучили грамматику церковнославянского языка, а также греческого языка до разных разделов, все умели читать и писать по-русски и по-гречески.

Продолжала ли школа работать после отъезда этих учеников? Сегодня мы не знаем ответа на этот вопрос, документы нам неизвестны. Видимо, в начале 30-х гг. XVIII в. школу покинул учитель

⁶ В документах они названы подкидышами.

архимандрит Филимон, ставший настоятелем Нередицкого монастыря [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 336. Л. 22 об., 27–28].

Судьбы учеников архиерейской школы после 1726 г. сложились по-разному. Большая часть детей духовенства была от школы «отрешена» и отправлена в дома своих отцов без определения чина. Дети духовенства получили фактическое освобождение от обучения в школе. Архиепископ Феофан (Прокопович), в отличие от своего предшественника Феодосия (Яновского), не был, по-видимому, сторонником того, чтобы духовенство его епархии в обязательном порядке должно было изучать грамматику церковнославянского языка, считая, что для ставленников достаточно традиционного «букварного» обучения. После ликвидации славянского класса (школы) в Новгородской архиерейской школе исчезла двухуровневая система обучения — изучение грамматики церковнославянского, а затем грамматики греческого языка. Сама школа в документах конца 20-х гг. XVIII в. именуется уже не «грекославенской», а «эллиногреческой».

В школе остались преимущественно сироты — дети духовенства, крестьян и служащих архиерейского дома. Далее вступала в действие, по-видимому, тенденция к превращению архиерейской школы в сословное учебное заведение, которая вела к тому, что сироты, не имевшие шансов получить места священнослужителей, исключались из школы и отправлялись учиться ремеслу.

К сожалению, фрагментарность сохранившихся источников не дает нам пока возможности определить причины такого отношения Феофана к архиерейской школе в Новгороде. Здесь, однако, надо принять во внимание тот факт, что при Феофане в Новгородской епархии существовали две независимые друг от друга архиерейские школы — школа собственно в Новгороде и школа в Петербурге на Карповском подворье, которая была заведена Феофаном (Прокоповичем) еще в бытность его псковским архиереем. Став архиепископом Новгородским владыка, по-видимому, уделял гораздо больше внимания своей школе (семинарии) на Карповке [Салоников, Суториус 2022]. Возможно, именно это отношение Феофана к школе на Карповке имело решающее значение для судьбы архиерейской школы в Новгороде и ее учеников. При этом у Феофана, видимо, не было препятствий к тому, чтобы в его школе в Петербурге учи-

лись дети представителей разных сословий, а не только дети духовенства «в надежду священства». Как мы можем судить по сказкам (показаниям), взятым у семинаристов в марте 1738 г., из 13 учеников, поступивших в школу до 1730 г., шестеро были детьми военных (солдат, прапорщика, драгуна), 1 — сын дворцового живописца, 1 — сын дворового человека, 1 — калмык, 1 — сын подьяка, 1 — сын певчего, 1 — сын сторожа, 1 — сын попа [РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 405. Л. 49–56].

Деятельность архиерейской школы в Новгороде возобновилась в 1732 г., после издания синодального указа 1731 г. о содержании школ при архиерейских домах для обязательного обучения детей духовенства [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 248. Л. 52–53 об.], и в феврале 1733 г. судья архиерейского дома архимандрит Андроник докладывал Феофану (Прокоповичу), что в школу было собрано 25 церковнических детей [ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 272. Л. 15]. Обучение в школе продолжилось тем же учителем, Федором Максимовым, по тому же учебному плану, и, отчасти, тех же учеников, что и до вынужденного кратковременного перерыва, поэтому мы не видим оснований для того, чтобы проводить здесь хронологическую границу между разными периодами в истории Новгородской школы. Скорее эту границу надо отнести к 1726 г., когда были закрыты епархиальные школы, а также латинский и славянский классы в Новгороде, или к 1738 г., когда в школе с прибытием учителя Иоанна Ястремского было заведено учение по киевско-иезуитской модели.

Литература и источники

Вознесенская И. А. Новгородская архиерейская школа // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24–26 мая 2004 г. / Отв. ред. В. Л. Янин и Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2009. С. 55–59.

Вознесенская И. А. Новгородская школа братьев Лихудов // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 205–235.

ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 166. Донесения монастырей Новгородской епархии архиепископу Феофану с ведомостями о приходе и расходе денег и провианта.

ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 167. Донесения с мест архиепископу Феофану о сборе подушного оклада со списками обывателей архиерейского дома, школьников, нищих и подкинутых детей.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 248. Указы Синода за 1731 г.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 272. Дело об обучении в школах детей священнослужителей.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 336. Указы архиепископа Феофана в Новгородский архиерейский разряд.

Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената в царствующем Санктпетербурге в лето от рождества Христова 1721, сочиненный. 2-е изд. М., 1861. 198 с.

НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Рапорты о школьниках и подкидышах. 1726 г.

НИА СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 71. Указы митрополитов новгородских и великолукских Феодосия и Феофана архимандриту Тихвинского Большого монастыря Павлу.

Новгородские архиерейские школы: сб. документов: В 2-х т. Т. 1: 1706–1727 гг. / Сост.: Н. В. Салоников, К. В. Суториус. Великий Новгород, 2022. 788 с.

РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Дело о составлении ведомостей о числе школ и учеников в епархиях со времени учреждения Св. Синода и об источниках их содержания.

РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 405. Дело об имуществе, оставшемся после смерти преосвященного Феофана (Прокоповича), архиепископа Новгородского.

Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов при Феофане (Прокоповиче): обзор документов ГАНО и Архива СПбИИ РАН // НИС. Великий Новгород, 2017. Вып. 17 (27). С. 182–196.

Салоников Н. В., Суториус К. В. Архиерейские школы Новгородской епархии при Феофане Прокоповиче // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1047–1064.

Салоников Н. В., Суториус К. В. Подготовка учителей грамматики церковнославянского языка в Новгородской архиерейской школе (1723–1725 гг.) // НИС. Великий Новгород, 2020. Вып. 19 (29). С. 397–426.

Страхова О. Б. Новгородская школа братьев Лихудов // *Cyrrillo-methodianum*. Thessaloniki, 1988. Vol. 12. P. 109–123.